

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

© Е. М. Таборисская, © А. М. Штейнгольд

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ВОЛОГДЫ КОНЦА XVIII ВЕКА В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ*

В прошлом году в Вологде издательство «Легия» выпустило книгу Р. М. Лазарчук «Литературная и театральная Вологда 1770—1800-х годов. Из архивных разысканий».

Для литературоведческого — научного — издания, принимая во внимание, что оно выпущено самим автором, тираж в 500 экземпляров не столь уж мал, но очень немногие смогут приобрести эту по-настоящему интересную книгу за пределами Вологодской области. А хотелось бы, чтобы с ней могли познакомиться и литературоведы, и краеведы, и все, кому интересно наше культурное прошлое.

Книга о литературной и театральной Вологде вышла с грифом Пушкинского Дома, и гриф академического института абсолютно соответствует содержанию материала и уровню его научного осмысления. Перед читателем — настоящее научное открытие: жизнь маленькой провинциальной Вологды предстает как закономерная часть культурного состояния и развития российской провинции XVIII столетия и вместе с тем как явление, достоверное в своей индивидуальной целостности.

«Своеобразие литературной Вологды 1770—1780-х годов, — пишет Р. М. Лазарчук, — определяет не деятельность отдельных писателей, а тот особый тип объединения, который предполагает чтение и обсуждение сочинений друг друга, допускает критику и дружескую эпиграмму. Эту литературную общность мы назвали творческим содружеством, кружком. Он объединил вологодских литераторов разного возраста, разного социального происхождения, разного общественного положения. Потребность в духовном общении оказалась сильнее предрассудков и принятых в обществе правил» (с. 203—204).

Такой вывод в книге «Литературная и театральная Вологда 1770—1800-х годов» базируется на совокупности биографий вологодских литераторов (А. М. Брянчанинов, М. А. Засодимский, А. А. Засецкий, А. В. Олешев и др.). Это писатели разных дарований, разных литературных интересов, хотя, как справедливо утверждает автор исследования, все они «писатели „второстепенные“ и „третьестепенные“, не

избежный удел которых — забвение; забвение, стирающее индивидуальные черты, уравнивающее судьбы и дарования» (с. 9).

Исследование Р. М. Лазарчук проникнуто пафосом противостояния разрушительной силе времени и забвения. Недаром один из эпиграфов ее книги, почерпнутый из трудов поморского проповедника XVIII века Ивана Филиппова, утверждает: «Вещи и дела... аще ненаписана бывают, тьмою неизвестия покрываются и гробу беспамятуства предаются... Написанная же яко одушевленная вещают». Автор неустанно и тщательно, по крупицам, изыскивает в научной и краеведческой литературе, и прежде всего среди архивных материалов, сведения, которые способны осветить жизненный путь, характеры, служебную деятельность, литературные интересы, родственные связи героев ее исследования. Много лет обращалась Римма Михайловна к фондам Российского государственного архива древних актов, Российских государственного исторического и военно-исторического архивов, архивов Вологды и Ярославля, отдела письменных источников Государственного Исторического музея, Российской государственной и Российской национальной библиотек. Столь же кропотливой и тщательной была ее работа с печатными источниками. Ее архивные изыскания корректируются и дополняются систематическим изучением «Месяцесловов с росписью чиновных особ в государстве», в которых она черпает массу сведений о служебном положении и продвижении на служебном поприще ее героев.

Достаточно взглянуть на постраничные примечания в книге о Вологде, чтобы понять важность источниковедческой базы и оценить труд автора-архивиста, для которого исторический факт не самоцель, а кирпичик, из совокупности которых складывается целостное представление о давнем времени.

В книге Р. М. Лазарчук прежде всего привлекает обостренное внимание автора к личностям воложан — литераторов, театралов, книголюбцев, хозяйственников — и способность из суммы разрозненных фактов, преодолевая проблемы в информации то введением дотоле неизвестных сведений, то логикой умозаключений, то гипотетическими построениями, составить единую и убедительную картину культурной жизни провинциальной Вологды конца позапрошлого столетия. Для автора «Литературной и театральной Вологды...» каждый из персона-

* Лазарчук Р. М. Литературная и театральная Вологда 1770—1800-х годов. Из архивных разысканий. Вологда: Легия, 1999. 238 с.

жей — живой человек, к которому Р. М. Лазарчук испытывает непосредственный интерес как к неповторимой личности. И в то же время жители Вологды той поры для исследовательницы — объект научного осмысления. Безусловно, ей близко мнение А. И. Герцена, что нет ничего более интересного и значимого, чем частные судьбы. Вслед за Г. О. Винокуром, автором работы «Биография и культура», Р. М. Лазарчук осознает важность социального контекста, видя в нем материал, «из которого история лепит биографию», но вместе с тем, современный литературовед, она готова оспорить вывод уважаемого предшественника о том, что литературный текст обладает «бытием фиктивным и условным» и поэтому не может быть биографическим источником.

Биографический аспект весьма важен, ограничен и весом в книге Р. М. Лазарчук. «Кто хочет узнать человека, должен узнать жизнь его» — эта фраза Н. И. Тургенева стала и вторым эпиграфом ее книги, и руководством к постижению далекого прошлого.

Биографические и собственно литературные факты Римма Михайловна осмысляет как моменты взаимосвязанные и взаимодополнительные, и это двуединство жизненного материала и явлений искусства, в первую очередь литературного творчества, выступает как базовый методологический принцип ее исследования.

Из фактов, почерпнутых в архивных документах, мемуарах, переписке, Римма Михайловна реконструирует биографии вологодских литераторов, не пренебрегая ни их родственными и дружескими связями, ни особенностями их служебной деятельности и карьеры, ни имущественным положением, и собранные воедино эти факты, столь, казалось бы, незначительные порознь, выстраиваются в портретную светотень людей, достойных благодарной памяти потомков. С другой стороны, обращаясь к текстам XVIII века, созданным «на Вологде», автор книги получает возможность говорить об известной свободе провинциальных литераторов от диктата столичных литературных мнений, норм и установок. Последнее касается и рукописного сборника Афанасия Матвеевича Брянчанинова, тексты которого Римма Михайловна публикует в Приложении, и позиции М. А. Засодимского — первого переводчика «Георгик» Вергилия на русский язык, и ряда других произведений вологодских литераторов.

В иной роли выступают тексты анонимного автора, вошедшие в «Собрание стихов, сочиненных во время бытности в Вологде его превосходительства господина генерал-губернатора Алексея Петровича Мельгунова на разные случаи» из собрания РНБ. Анонимные послания и стихотворения на случай, попав в поле внимания исследовательницы, стали красноречивым свидетельством существования театра в Вологде уже в середине 1780-х годов. Уже тогда вологодский театр имел довольно обширный русский и западный репертуар, и на его сцене выступали как профессионалы, так и любители, в том числе дочь вологодского наместника. По

данным весьма убедительной реконструкции Р. М. Лазарчук, театральная жизнь этого провинциального города была достаточно активной, а главное, она была важной составляющей культуры губернской Вологды за полстолетия до того, когда вологодский театр стал признанной частью общетеатральной жизни России.

Ценность книги Р. М. Лазарчук не только в том, что исследовательница вводит в литературоведение и краеведение массу новых фактов, уточнений и поправок (очень показательна в этом плане, например, первая глава «М. Н. Муравьев и Вологда»); она доказательно утверждает существование театральной жизни в Вологде в 1780-х годах, что коренным образом меняет представление искусствоведов о роли театра в культурной жизни севера России.

«Литературная и театральная Вологда 1770—1800-х годов» — не только значительный вклад в область фактических историко-литературных, книговедческих, театральных сведений о жизни русской провинции конца XVIII века, но и исследование и издание, примечательное своей продуманностью и культурой.

Обращает внимание структура монографии. Ее основной текст состоит из двух разделов: собственно исследования и Приложения, которое, во-первых, вводит в научный оборот дотоле не публиковавшиеся произведения вологодских авторов, а во-вторых, выполняет роль базовых материалов, пользуясь которыми Р. М. Лазарчук выстраивает концепцию глав «А. М. Брянчанинов» и «Театральная жизнь Вологды 1780—1810-х годов». Заключительный раздел Приложения — «Собрание стихов, сочиненных... в Вологде... на разные случаи» (проблема авторства) — делает эту часть книги не только фактографическим дополнением, но и органической частью самого исследования.

Большая часть книги посвящена литературным деятелям Вологды, и, естественно, главы в ней несут монографический характер. Такие разделы о Брянчанинове, Засецком, Олешеве, М. А. Засодимском (первом переводчике «Георгик» Вергилия). Главы, обрамляющие эти четыре раздела, посвященные литераторам-воложанам, построены иначе. Первая из них «М. Н. Муравьев и Вологда» повествует о поэте и писателе, деятельность которого никак не сводится к представлению о безвестности или «глухой славе» провинциального литератора. М. Н. Муравьев — поэт и просветитель, заслуги которого широко признаны. И Вологда для Муравьева лишь одна из страниц его жизни. В этом городе он провел около двух лет в пору своего отрочества, а Р. М. Лазарчук в центр внимания своих читателей вводит проблему становления литературной личности будущего поэта, роль того влияния, которое оказало на Михаила Муравьева его общение с деятелями вологодского литературного кружка.

Глава «Вологодские связи А. А. Петрова» завершает ту часть книги, где речь идет о Вологде литературной. Здесь, как и в главе о Муравьеве, речь идет о разнообразных и органических

связях литературной жизни вологодской провинции и столиц России.

Александр Андреевич Петров, пишет Р. М. Лазарчук, «фигура едва ли не самая значительная в окружении Н. М. Карамзина второй половины 1780-х годов» (с. 135). Как показывает исследовательница, в жизни самого А. А. Петрова Вологда была лишь эпизодом, зато отец и брат ближайшего друга молодого Карамзина, люди незаурядные и образованные, внесли немалый вклад в культурную атмосферу губернского города.

Такое построение раздела о Вологде литературной позволяет Р. М. Лазарчук рассматривать деятельность местного содружества писателей не как замкнутое явление, а как органическую часть общероссийской литературной жизни: недаром на страницах ее книги постоянно возникают имена Державина, Новикова, Рубана, Карамзина и др.

И конечно, особо следует сказать о значимости фигуры вологодского наместника А. П. Мельгунова. Автор книги не отводит этому просвещенному вельможе и крупному государственному деятелю отдельную главу, справедливо считая, что его личность и заслуги нашли должное освещение в современной исследовательской литературе. Мельгунов у Р. М. Лазарчук — «партнер» ее вологодских героев, их благожелательный собеседник, покровитель, человек, чья деятельность, чьи принципы, стремления, вкусы становились условием, благоприятствующим расцвету литературной деятельности вологжан и появлению в этом городе театра.

Глава о театре образует особую ветвь повествования, где речь идет о том, когда и при каких обстоятельствах в Вологде ставили первые спектакли, кто в них участвовал и как складывались судьбы исполнителей-непрофессионалов. Опираясь на дневники А. Т. Ярославца и другие архивные документы, Р. М. Лазарчук реконструирует местонахождение и устройство театра, его роль в досугах просвещенных вологжан и даже цену билета, вполне соизмеримую с ценами столичных театров.

Помимо основного корпуса авторского текста, в книгу о Вологде включены указатель имен, список сокращений — чрезвычайно значимые элементы научного издания, и очень интересный иллюстративный материал. Это портреты Мельгунова и его дочери Екатерины, в замужестве Волконской, портрет А. Р. Зузина, человека, сыгравшего значительную роль в возникновении театра в Вологде. Читатель увидит лица А. А. Засецкого, П. Ф. Мезенцева, М. В. Олешева, в девичестве Суворовой (младшей сестры великого полководца). И столь же органической частью иллюстративного материала, погружающего читателя в давно миновавшие годы, становится воспроизведение рукописных автографов и титульных листов ставших раритетами книг XVIII столетия. Выбор иллюстративного материала еще одна заслуга автора «Литературной и театральной Вологды», еще одно свидетельство ее преданной

любви к далекому времени, его ушедшим свидетелям и его запечатленным свидетельствам.

В работе Риммы Михайловны Лазарчук есть и еще одна чрезвычайно привлекательная черта — свобода от предвзятых мнений, принятых как должное воззрений, жестких оценочных критериев. В этой свободе сказывается органичный для ученого историзм мышления. Говоря о литературных трудах А. В. Олешева, прежде всего о его книге «Начертание благоденственной жизни», включающей переводы из Шпалдинга, Дюмулена и пятьдесят авторских статей «нравочительных рассуждений», Р. М. Лазарчук раскрывает убеждения просвещенного дворянина конца XVIII столетия, отвернувшегося от воззрений Вольтера и Руссо и создавшего собственную концепцию благосостояния и помещика, и земледельца, причем, как показывает автор исследования, концепция эта была отнюдь не умозрительной. Р. М. Лазарчук пишет: «Просветитель по натуре, Олешев видел свое призвание в распространении научных знаний. Передавая свой опыт „любезным согражданам“, он... способствовал превращению своей личной выгоды, своего экономического успеха в реальный способ достижения благополучия всей страны» (с. 120).

Подводя итог раздумьям, чаяниям и разочарованиям вологодского моралиста и экономиста, Р. М. Лазарчук утверждает: «А. В. Олешев принадлежал к тому поколению русских просветителей, которые, сохраняя веру в разум и знание, уже извелили горечь разочарования, незнакому их предшественникам. Оказалось, что „просвещенность“ отнюдь не означает „нравственность“ и что в одном человеке могут ужасающе соседствовать блестящая образованность и порочная душа» (с. 127).

Значимой частью книги Р. М. Лазарчук является, если так можно выразиться, «концепция домостроения». Она проявляется во внимании к семейным отношениям героев ее научных изысканий: опираясь на данные архивов, Римма Михайловна устанавливает и уточняет родственные связи вологжан в синхронии и диахронии. В этом плане чрезвычайно важной оказывается связь между известным писателем XIX века Павлом Засодимским и его дедом Михаилом Андреевичем, которому Р. М. Лазарчук атрибутирует авторство перевода «Георгие» Вергилия, вышедшего в 1777 году в Петербурге с пометкой «с латинского языка переведены в Вологде», оспаривая принятое мнение, что перевод был выполнен В. Рубаном. Тот же пафос наполняет главу об Афанасии Матвеевиче Брянчанинове. В ней очень важным является пассаж о доме как «едва ли не главной ценности в этике сентиментализма». «Дом, — пишет Р. М. Лазарчук, — воспринимался как спасительное убежище от равнодушия и жестокости властей, от шума и суеты света. Дом был призван восстановить связи человека с природой... Наконец, дом возвращал человеку утраченную гармонию, здесь он обретал покой и счастье...» (с. 47).

Дом, можно добавить, это еще и живые отношения семьи, с ее привязанностями, обретенными и утратами. Р. М. Лазарчук скрупулезно воссоздает объективную картину семейных отношений своих героев, аккуратно оговаривая неполноту сохраненных документами сведений: иногда это приблизительные или неполные даты жизни, иногда имена жен, девичьи фамилии которых поглощены забвением. И только однажды желание проникнуть в сокровенное прошлое приводит исследовательницу к самоочевидной и поэтому особенно досадной ошибке, хочется даже сказать «описке».

На с. 131—132 Р. М. Лазарчук приводит письмо второй жены Алексея Васильевича Олешева, Марии Васильевны, к Марфе Михайловне Лызловой. Римма Михайловна пишет: «Оно

переполнено тихой радостью счастья, каждое слово дышит в нем нежностью к мужу...» (с. 131). Письмо и в самом деле полно нежности: «Право, он мне дороже самой себя» (с. 132). Дело за малым — в письме Мария Васильевна пишет не о *муже*, а о *сыне*, о Васеньке, тогда как мужа ее звали Алексей.

Но этот частный, чуть ли не единственный промах всего лишь издержка увлеченности неравнодушного автора.

Вологда для Р. М. Лазарчук — живое прошлое ее большого и любимого Дома. Она его хранитель, исследователь, летописец, любовно воссоздающий его реалии, увлеченно восполняющий пробелы и объективно сознающий важность, а порой и невосполнимость утраченного.